

«Осень в Византии» (прочитанная мною во время осени в Омске) – восьмая поэтическая книга писателя и издателя Андрея Козырева, вышедшая в 2016 году в Омске. Данная книга состоит из семи тематических разделов. Особо привлекает внимание первый раздел – «Всё о жизни», состоящий лишь из одного стихотворения «Стихи без глаголов», но, как ни странно, рассказывающий о об этой самой жизни действительно всё (на мой взгляд, не очень удачное название стихотворения – как квадрату дать название «Квадрат», так и назвать стихи, в которых нет глаголов, «Стихами без глаголов» – разве это именно то, на что стоит обратить внимание, что хотел сказать автор?). А ещё это стихотворение можно воспринять и как оглавление, передающее содержание всего сборника, только без указания страниц (а если попробовать, получится гипертекст: хочешь – читай по порядку номеров страниц, хочешь – выбирай отсылки на другие стихотворения тематически).

«В краю непуганых поэтов» – раздел, в котором собраны стихи не только о поэтах и поэзии, но и об искусстве вообще, здесь можно увидеть посвящения А. Кутилову, П. Васильеву, Г. Державину («воспоминания» ли о них), цикл стихов о Ван Гоге, мадригал балерине и т.д.

Автор показывает отношение (не только своё) к поэтам, иногда диаметрально противоположное, для Козырева или его лирического героя «Поэт – лишь звук, звучащий мозг планеты», «Ведь я – не человек, а только взор, / Который Бог во тьму вещей простёр», пишет то о бесстрашии, «непуганости», самоотверженности поэтов:

В краю непуганых поэтов,
В краю неспугнутых богов
слова бесчисленных сонетов
звучат с бесчисленных Голгоф,
и – вопреки законам света,
не зная смысла своего,
идут, идут на смерть поэты
и не боятся ничего, –

то об их созидательной роли: «И вот я собираю Русь из пепла / В своей строке», то об их бессмысленности, ненужности, обращает внимание на потребительское отношение к поэтам только как к объектам, уже выполнившим своё предназначение и, соответственно, более не представляющим интереса: «Поэты – злы. Стихи – полезны. / Стихи нужны, поэты – нет», то о достижениях, о пророческих способностях поэтов:

Мёд Одина, хмельной и горький мёд!
Тебя искали воины, пророки,
А находили те, кто пишет строки,
В которых жизнь известна наперёд.

или даже об их «преимуществах»: «Поэтам русским по Корану / Иметь дозволено гарем», но, конечно, гарем в поэтическом плане – гарем муз, то есть девиц, с которыми «нужна тетрадь, а не кровать». А музы у Козырева тоже весьма разнообразны, то «Муза – голодранка», то «Муза – девка крепостная».

Во многих стихах «поэтические», в смысле имеющие отношение к процессу и/или результату творчества (творения), образы (реалии ли) пересекаются с историей, обыденностью, даже физиологией: «Стучится в небо, словно в небо, / Одна колючая строка», «Я рифмой вижу лучше, чем глазами...», «Небосвод над городом сибирским / Раздвигаю мускулами строк?», «А я пишу, на раны сыплю соль... / Чернильница порой темней колодца!», «И ты стихом, не кислородом дышишь...» и т.п.

Очевидно, что эта тема является важной, знаковой для автора, так в произведении «Что для чего» он пишет: «Я рождён для вдохновенья», а стихотворение «Вдохновенье» заканчивается следующими строками: «Ведь это – всё, что можно звать судьбою, / И это – всё, что счастьем можно звать!». Соответственно поэзия для автора – «его всё», что видно из стихотворения «Судьба и суд»:

Но мимо жизни, счастья мимо
Легла, как путь, в мирской пыли
Строка – скамьёю подсудимых
От края до конца земли.

*

– Ступай. Живи, не зная тягот,
Пой, радуйся, что жизнь проста, –
Ведь всё равно все мысли лягут
На белый эшафот листа!

Любовная лирика автора собрана в разделе «Я люблю этот сад», здесь автор (лирический герой) пишет откровенно (иногда даже слишком) о своих чувствах, но пропускает любовь не только через себя, но и через окружающую действительность, таким образом, не лирический герой, а «плакала звезда, / И всхлипывала о разлуке / Ночная тёмная вода», или «Восходит небо из любимых глаз, / Чтоб воскресить ушедшее земное».

Даже в стихах о любви поэт не забывает о своём ремесле и проводит традиционную для лирической поэзии параллель: «Тебе в моих стихах уютно / А мне во снах твоих тепло».

Здесь часто встречаются бытовые, но при этом небанальные сравнения, образы: «Я – комната, мои слова – сквозняк», «Я высох сердцем, чтобы стать простым, / Как комната в гостинице районной», «Я люблю этот сад / Под названием “Ты”» – интересно, что для лирического героя любимая не просто отдельный человек, сравниваемый с привычными катего-

приями (королева, любовь, жизнь, судьба и т.д.), а целый сад, в котором «не гаснет закат / И не вянут цветы». Характерно, что у Козырева не стандартный любовный треугольник, банально включающий в себя его, её и кого-то третьего, а многоугольник с иными персонажами: «Нас четверо: я, ты, любовь и смерть. / Молчит любовный четырёхугольник».

Поэт не только воспевает любимую, но и проявляет характер:

Ты – чистая, святая, злая,
Своей не знаешь высоты...

А я – ошибка, но такая,

Какой гордиться будешь ты.

Автор признаёт важность самой любви, её превосходство над всем остальным: «И всё равно, кто прав, и всё равно, кто – прах, / Когда любовь, дрожа, дробится на устах», обращает внимание на масштабность, глобальность, перспективу данного чувства: «А из любви, как из России, / Одна дорога – в небеса».

Данный раздел не очень «населён», очевидно, что автору ближе городская лирика, историческая, гражданская, но любовь для Козырева – средство для постижения пока ещё не до конца понятого мира, это осознаёт и сам поэт: «И оптика любви даёт увидеть / Всё, что пока понять мне не дано».

Несколько смутило, что два разных стихотворения из этого раздела имеют практически одинаковые концовки:

– стихотворение «Валерии Руди» (стилистически и композиционно восходящее к стихотворению Павла Васильева «Строителю Евгении Стэнман»):

Было всё. Было солнце, и небо, и сны.

И любовь – была.

Только нас с тобою, Валерия Руди,
на свете, похоже, – не было.

– стихотворение «Не плачь, родная, и не хмурь лица»:

...Любовь у нас была. Была. Ушла...

А нас с тобою – не было на свете.

Не совсем понятно, то ли одно из них – набросок для другого, то ли поэт не очень тщательно отбирал стихи для сборника. Я склоняюсь ко второму варианту, так как подобная ситуация в этой книге повторяется, в разных стихах можно встретить не то что похожие, а абсолютно одинаковые образы и строки, причём именно находки, но эти находки работают только раз, а в повторах выглядят банально, стёрто, прямо как шутка, сказанная дважды: «Где несёт лице-мэрам благую газетную лесть» и «Он лжец и лицезёр, почти святой», «Что поделать, но «аминь» слабей «авось» и «Звучат едино в вековом архиве / Библейское «Аминь» и наш «Авось». Может, такие стихи целесообразно «заикнуть»? Ведь и у классиков иногда (у А. Блока, например) не сразу написавшиеся, созревающие, оформляющиеся постепенно мысль или образ становились в ряде стихотворений сквозными, циклообразующими.

«Расскажи про город О...». Название этого раздела говорит само за себя, здесь поэт очень тепло отзывается о родном городе, называя его «мой Омск, мальчишка, город и поэт!», выбирает для описания города нетипич-

ные яркие цвета – «сиреневый, оранжевый и серый», умеет увидеть прекрасное в обыденном пейзаже: «Вдохновенный блеск разбитой тары / В весёлых лужах под слепым дождём!», пишет о городе, как о родном человеке: «Как он триста лет томится / Возле сердца моего». Вообще очень часто поэт олицетворяет город и его составляющие, то «под дождём в сиреневых кварталах / Наохлились табачные ларьки», то «Столкнувшихся КамАЗов камасутра / Сияет на восходе глаз и губ», «Пьяно пляшет старенький трамвай», «И Омка, как прибудная собака, / Прижалась мордой к боку Иртыша» и т.д.

Но, к сожалению, не всё так радужно-сиренево-оранжево, и «сквозь заменившие зрение слёзы» автор видит недостатки города и то, «как ножом проходит время / Незаметно сквозь него [город]», осознаёт, «что живём в его руинах», описывает городскую рутину: «Пассажир, приклеенный к маршрутке, / Едет в вечной пробке в вечный рай», не забывает упомянуть о «стройке века»: «Счастье наше заблудилось В недостроенном метро». Также одно из стихотворений раздела посвящено кладбищу, как неотъемлемой части города (увы), где «каменный непрочный манускрипт / Ждёт, кто его переведёт на русский».

Конечно, в произведении «Город детства» автор не мог не обратиться к стихотворению Р. Рождественского, но возникает ощущение, что это два абсолютно разных города (или просто два разных детства?). Если у Рождественского это город, где «сказки живут» и где «сводили с ума / Сосны до неба, до солнца дома», то у Козырева это город, где «для всего свой найден эталон – / Для каторги, кнута, креста и петли», где «солнцепёк на тихих, мирных танковых заводах», где «летом тяжёлый инфернальный зной», «курчавятся кочевничьи костры», где «в сугробах скачет чёрный человек», «Достоевскому в глухой барак стучит поручик Дмитрий Карамазов», «сквозь века летит взгляд каторжника в очи адмирала» – насыщенный людьми и событиями жуткий «город Сон» получился у Козырева, город, который «никого из нас не спас».

Самый глубокий, сложный, обширный, разноуровневый (в написании и восприятии), много-(почти все-)объемлющий раздел «Осень в Византии», который не только дал название книге, но и мог бы представлять собой отдельный сборник стихотворений. Здесь мы видим сочетание всевозможных эпох, времён года, различных исторических лиц или литературных (мифологических) персонажей, географических и опять же мифологических мест и т.д., но раздел сложен ещё и потому, что каждое стихотворение очень насыщенное, концентрированное, это целая история, заархивированная до размеров стихотворения (хоть и не всегда маленького), при чтении необходимо делать длительные перерывы между произведениями, чтобы полностью пере/осмыслить прочитанное, разгадать, найти и понять все секреты, все загадки (вспомнил Павич и его книги, состоящие из небольших историй, после каждой из которых необходимо было отдыхать минимум сутки, чтобы усвоить, впитать информацию, иначе не воспринималось и, соответственно, не производило впечатления).

Причём автор никогда не описывает ситуацию прямо и конкретно, а аккуратно и как бы мимоходом указывает на имя, место, реплику, чтобы создать контекст. Многие стихи можно и хочется растащить на афоризмы. По каждому стихотворению можно снять целый фильм (кстати, стихи из этого раздела наиболее зримые, когда читаешь – видишь картинку, видеоряд) или даже сериал.

Иногда в одно стихотворение поэт пытается уместить неуместимое, но это не выглядит каламбурно или нелепо, скорее, слишком густо, например, в стихотворении «Жребий» столько всего намешано: и название на латыни, отсылающее нас к цитате из Юлия Цезаря, тут же «скачет Башмачкин, пугая ворон», здесь же «Фауст играет в аду с Прометеем, Атлантом», и «ветер шепчет Есенина», и «над матушкой-Волгой о сизом орле запеваet Катюша», и булгаковская «Аннушка спешит бежит на базар», здесь же «прикрывается время тулупом на рыбьем меху – Пугачёвским тулупом», и «толкаясь локтями, вражда выползает на свет из времён динозавров», – слишком много имён и времён на один квадратный сантиметр поэзии, но ни в коем случае стихотворение не становится ни пародией, ни сборищем маркеров для привлечения читателя, скорее, базой, концентратом для написания поэмы.

В первом же стихотворении раздела видим строки: «Сто лет – стабильно – длятся наши войны», – тема войны отражена во многих произведениях этого раздела, автор описывает войну, показывая отношение к ней через размышления героев, например, Ганнибала: «Что нужно нам – / Герой или подвиг? Власть или победа? / Мой подвиг нужен людям. / Сам я – нет» (нельзя не заметить, что отношение производителя действия и результата действия аналогично ситуации во втором разделе – как поэт и его стихи, нужен/важен только результат, а не творец или герой), приводящие к выводу о бессмысленности войны во все времена: «Кровь – пища для льстецов, лжецов, глупцов», «выпускала / Она [«мысль победоносного владыки»] добычу – ведь она не знала, куда, да и зачем её нести».

На мой взгляд, такая историко-эпическая тема является наиболее любимой для Козырева и, возможно, особо ему удающейся, здесь автору есть, где развернуться, показать и применить знания (об истории, литературе, географии и т.д.) и умения (писать в различных стилях и жанрах и описывать какой-либо определённый исторический период через характеристику определённой личности и т.д.), стихи данного раздела можно попытаться охарактеризовать как *эпипоэзию*, может быть, это и есть свой особенный стиль автора, Андрея Козырева.

Название раздела «Очарованный странник», посвящённого религиозной теме, говорит о том, что поэт (лирический герой) очарован любовью к богу, видит и чувствует бога во всём: «Укрытый в потаённом небе, / Цветёт Господь вокруг меня», даже воспринимает такое явление, как северное сияние, не как природное, а как божественное: «Вечернее размышление о Божием величестве по поводу великого северного сияния» (неизбежно воз-

никают ассоциации-отсылки к М.В. Ломоносову и его аналогичному «Вечернему размышлению о Божием величестве» 1743 г.). Здесь встречаем стихи, основанные на библейских и исторических сюжетах: «Давид и Саул», «Ангел и Жанна Д'Арк», «Древнее Ноя, Авраама, / Древнее Авелевых стад...», стихи о боге: «Господь – целебный, горький плод...», «Тот, про кого молчать боюсь», «Господь – мой хлеб, Господь – вода моя!» и о себе относительно Бога: «Бог – музыка, где я – псалом», «По венам тёплым Бог струится...», стихи о религиозных праздниках и буднях: «На крещенье ударил мороз...», «Замкнулся путь крестин и тризн...», о жизни и смерти: «Среди полусмертей и полужизней...», «Малютка-смерть! Ты рядом, ты – со мной, / На расстоянии вытянутой строчки / От сердца...», «Ода “К старости”», стихи о храмах: «Успенский храм», «Храм, как колодец, тих и тёмный...», «Пусть беден слог, как нищий в храме...» и т.д.

Хоть автор и превозносит бога: «Ты – наш Царь, и Ты – служенье, / Ты – кровь, Ты – плоть и Ты – елей...», но и подчёркивает свою религиозноподдерживающую и богосоздающую роль (функцию): «Ты тот псалом, что я пою...», «Тебя я строю, словно птицы – / Гнездо...». Автор сожалеет, что многие люди далеки от религии: «И маршрутки снуют по дорогам, / Что ведут, к сожаленью, не к Богу», хотя сам видит частицу бога в каждом: «Осколок Божий в человеке / Сквозь плоть свой источник свет», признаёт, что поэтический дар – это дар божий: «Ты, не уставший с неба литься / В немой простор моей страницы – / Господь! Прими мою мольбу», «И Ты, как тернии и багряница, / Венчаешь сам избранников своих».

Большинство стихотворений Козырева очень длинные, из-за чего часто при прочтении теряется нить повествования, сюжет, затрудняется восприятие и понимание (всё-таки надо уметь вовремя остановиться), но в стихах на религиозную тематику, представляющих собой в большей степени созерцание, рассуждение, такие длинноты более уместны, обоснованы.

В подзаголовке последнего раздела «Горький мёд» указано, что здесь собраны поэтические сонаты, фуги, оратории, по словам автора – это продолжение традиции поэта и переводчика Сергея Петрова, начавшего разрабатывать новые поэтические формы, заимствованные из музыки еще в 1960-х годах. «Фуга – это длинный полифонический монолог от чьего-то лица, написанный строками разной длины, с элементами стилизации под старину. Оратория – это большое патетическое декламационное произведение, поделённое на рифмованные отрывки разной длины – от одной до большого количества строк, более классическое по духу, в оратории может быть сквозная рифмовка. Соната – это большое стихотворение с равными по длине строками и строфами, уравновешенное, закрытое по композиции, с многочисленными внутренними перекличками, более камерное, менее патетическое и декламационное по духу» – примечания А. Козырева.

Действительно произведения данного раздела более музыкальны, чем поэтичны, имеют особую систему рифмовки, например,

Словно струнам – английский смычок,
Всем земным явлениям

п
о
п
е
р
ё
к.

Автор часто использует игру слов и букв, иронизирует, даже в начале книги не забыл поблагодарить «алфавит за любезно предоставленные буквы». Думаю, кроме алфавита, автору стоит многим и многому сказать «Спасибо»: природе (Богу ли) – за талант, Омску (России ли) – за читателей, осени – за Византию.

стихотворение «Третий глаз» состоит в основном из девятистиший с рифмовкой ababcdcced, но включает в себя и двенадцати- и даже шестнадцатистишие. А вот цикл «Под куполом цирка» (видимо, подразумевающего нашу разнообразную, показную, иногда весьма опасную жизнь) состоит из шестистиший с рифмовкой aabccb (один из вариантов секстины):

Огромный купол, гулкий и пустой,
Куда приходит сумрак на постой,
Где в полутьме огонь рисует знаки, –
Сюда стремится ум в вечерний час.
Здесь щедрый Праздник собирает нас,
Здесь, как артист, танцует луч во мраке.

Что же касается оратории «Горький мёд», мне она кажется не столько патетическим и декламационным (каким должно быть по определению), а больше лиричным, образным, сильным произведением, посвящённым поэтам и поэзии:

И я пишу, – поймите, господа, –
Для тех, кто с небом не играет в прятки,
Кто тишину Последнего Суда
Услышит между строк, в сухом остатке.
Сдвигая облаков небесный фронт,
Я вижу мир, прозрачный и весёлый,
Где вечно собираем мы, как пчёлы,
Мёд Одина, хмельной и горький мёд!

К сожалению, не могу не добавить в поэтический мёд А. Козырева немного дёгтя, – обычно у автора мы видим интересные сложные рифмы: сукна – рисунка, рано – странный, матерки – матерки, остов – погостов, тягот – лягут, вы ли – пыли и т.д., но встречаются и банальные, однокоренные, одноструктурные рифмы: ждала – пришла, знача – плача, благодать – воздать, подымает – заклиняет, крути – уйти, свободный – простонародный и т.д. Конечно, в больших произведениях сложно рифмовать только изысканно, но хотя бы стараться избегать банальностей или просто сокращать!

Зато какую звукопись использует поэт: «Наш мир стоит на жертве и жратве... / У жертвы, выбранной жрецами в боги...», «Мы слишком часто тщетно хмурим лица, / На безымянном пальце, как пыльца, / Любовь кольцом венчальным золотится», «Мадрид мудрит», «Как прост простор! Простая правда праха / Нас не сведёт, несведущих, с ума», «Не опасаясь тлена, тла и тли», «Всё дальше, дальше проникает взор / В земную плоть, в пороки и в пророков, / Он не боится сплетен и упрёков, / Всё – вопреки, и всё – наперекор!» и т.п.

Также в книге можем встретить огромное количество окказионализмов иногда даже в одном стихотворении, например, «Воробьиная ода»: воробею, воробьишка, воробьится, воробейная. Особо любимый способ словообразования у Козырева – сложение: богосмех, смехошум, стихонебо, смехолуч, словапад, стихопад, стихоумноженье, жизнесмерть, смертовоскресенье и т.д.

Поэт часто экспериментирует, причём не только со словом, но и со строкой, строфой, использует различные способы рифмовки, даже интересно и оправданно работает с графикой: